

А.М. Лукашевич

**КАЗАЧИЙ КОРПУС АТАМАНА М.И. ПЛАТОВА
В ОХРАНЕ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 1812 г.)**

В начале XIX в. казачьи полки неоднократно привлекались для охраны западной границы Российской империи. Однако более-менее регулярной пограничная служба стала только в 1810 г. После принятия «Положения об устройстве пограничной казачьей стражи»¹ (январь 1811 г.) западная граница от Полангена (Паланга) до Ягорлыка была разделена на несколько 150-верстовых участков. Их охрана поручалась полкам донских и бугских казаков. Так пограничная служба стала основной функцией казаков в мирное время. Она включала как непосредственно охрану границы, так и некоторые специфические задачи: присмотр за таможенной стражей и ведение разведки.

Однако в условиях приближающейся войны с Францией подобное использование казаков заставляло военное руководство вносить коррективы в стратегические планы. Поэтому, в целях высвобождения иррегулярных частей для нужд армии, в конце 1811 г. была задумана реорганизация системы таможенного контроля на границе. 17 июня 1812 г. было утверждено «Учреждение контрольного таможенного управления по сухопутной западной границе»², которое предусматривало создание специальной стражи, состоявшей из надзирателей и объездчиков контрольного таможенного присмотра. Эта стража должна была выполнять функции казаков. Однако ввести в действие «Учреждение...» не успели и поэтому казаки до начала войны в 1812 г. несли пограничную службу.

Дислокация казачьих частей. К апрелю 1812 г. все иррегулярные полки российской армии были распределены между 1-й, 2-й Западными,

Дунайской армиями и отдельными корпусами. До середины мая 1812 г. кордоны по западной границе были постоянными.

На 18 мая 1812 г. граница от Гродно до местечка Цехановец была разбита на семь участков³. Их охраняли казаки из полков подполковника М.Г. Власова 3-го, подполковника С.Д. Иловайского 8-го, генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го, А.К. Денисова 6-го, генерал-майора В.Т. Денисова 7-го, полковника П.М. Гордеева 1-го, а также Симферопольского конно-татарского и 2-го Бугского. Такая высокая плотность казачьих полков в Белостокской области объясняется планами стратегического развертывания российской армии.

Дистанции западной границы от Влодавы до Тересполья охраняли казачьи полки 2-й Западной армии. В 1811 г. они были распределены на шесть бригад, по три полка в каждой⁴. Дистанцию между войсками 2-й Западной армии и казаками М.И. Платова (от Цехановца до Влодавы) прикрывали части корпуса генерал-лейтенанта И.Н. Эссена.

В 1811–1812 гг. кордоны (дистанции) в основном оставались неизменными. Менялись только по три раза в год казаки на дистанциях. Причем казачьи полки находились в двойном подчинении: с одной стороны, атаману М.И. Платову, а с другой – командующим войсками.

Существенные изменения в организационной подчиненности казачьих полков произошли в апреле – мае 1812 г. в связи с передислокацией 2-й Западной армии с Волыни на территорию Беларуси.

В частности, 2-я Западная армия генерала П.И. Багратиона к 25 мая должна была передислоцироваться в район Пружан, заняв дистанцию 6-го корпуса генерала И.Н. Эссена. Сам корпус также поступал в ее состав. К этому моменту в составе 2-й Западной армии находилось девять казачьих полков, которые должны были расположиться по кордонам. Поэтому 21 мая М.Б. Барклай де Толли поставил задачу М.И. Платову немедленно связаться с П.И. Багратионом и «иметь с ним взаимное наблюдение по границе над неприятелем и подавать в нужных случаях один другому помощь, сообщая ему и все сведения, какие вы будете иметь о неприятеле». К 26 мая войска 2-й Западной армии приблизились к местам дислокации в Белостокской области корпуса М.И. Платова⁵.

Итак, в мае – июне 1812 г. корпус атамана М.И. Платова дислоцировался в районе Белостока. К этому моменту наполеоновские войска постепенно концентрировались в Княжестве (Герцогстве) Варшавском, хотя и оставались на значительном удалении от линии границы. Тем не менее казакам была поставлена задача – вести постоянное наблюдение за сопре-

дельной территорией и, по возможности, получать сведения о военных приготовлениях противника через сеть местных осведомителей.

Казачья разведка. В качестве разведчиков казаки использовали местных жителей, преимущественно евреев⁶. Они довольно часто, под разными предлогами, направлялись в Княжество Варшавское и доставляли нужные сведения. Правда, не всегда эти данные были ценными и точными: власти княжества с опаской относились ко всем визитерам из России и поэтому далеко вглубь страны их не пропускали.

О том, какую же информацию получали казаки, дают представление секретные донесения генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го (находился в Кнышине) М.И. Платову (в Белостоке) за май 1812 г. Преимущественно это были непроверенные сведения, которые основывались на слухах или показаниях приграничных жителей. Например, сотник Мироткин из полка И.Д. Иловайского 4-го, стоявший на пограничном Татарском кордоне, «по достоверным тайным словам ему от обывателей герцогства Варшавского» 15 мая сообщил командиру, что в ночь на 13 мая Наполеон прибыл в Варшаву. Однако эти сведения оказались ложными: в действительности в Варшаву прибыл не император французов, а его брат – вестфальский король Жером Бонапарт.

До середины мая 1812 г. польские войска (пять дивизий) были сосредоточены около Варшавы. С 13 мая начали поступать разведсведения, что польские войска пришли в движение. По словам сотника Мироткина, «французские войска», переправляясь через р. Вислу, выдвигаются к Брест-Литовску и местечкам Беляя и Мезерич⁷. По другим данным, польские дивизии совершили передислокацию и расположились в две линии. Одна линия начинается у Нура, проходит через Высокий и заканчивается в Тикочине; вторая начинается у Брока и простирается через Остров, Снядов, Ломжу и Щучин.

16 мая о том же получил сведения и генерал-майор И.Д. Иловайский 4-й. При этом его информаторы утверждали, что все пять польских дивизий «придвинулись к границе и расположились от нее не далее 4–5 миль». 1-я дивизия (Я. Домбровского) расположилась в Высоком Мазовецком, 2-я (Ю. Зайончека) – в Зомброве, 3-я (Я. Конопки) – в Острове, 4-я (А. Рожнецкого) – в Снядове, 5-я (М. Каменского) – в двух милях от пограничного Пяткова Двора и в Ломже (два кавалерийских полка). И, как оказалось, «обозы с съестными припасами и фурами... что были отправлены через Тыкочин в Снядово, Ломжу, Высокий и другие места под видом доставления продовольствия... свозились для всего корпуса»⁸.

Маршал Л.Н. Даву, по «достоверным данным», находился в Варшаве, а «при Сельцах же между Брестом и Дрогичином» расположилась армия вице-короля Э. Богарне, состоящая из 80 тыс. итальянцев, баварцев и саксонцев. И.Д. Иловайский сообщал, что «они предполагают сделать атаку на россиян и тем предупредить всему нашему действию». При этом за доставку пленных обещали награду: за офицера – по три, а за рядового – по одному червонцу⁹. М.И. Платов немедленно проинформировал об этом военного министра, однако сделал уточнение, что информация о передислокации польских дивизий – это слухи, и их необходимо перепроверять¹⁰.

Проверить информацию удалось только через десять дней, 26 мая, с помощью «белостокских евреев, имеющих в заграничном местечке Тикочине приятельство и родственников». От них было получено «достоверное сведение», что «из польских войск находится в Остроленке уланский полк князя Радзивилла и сам Радзивилл; а, начиная от Остроленки налево, в местечках Броках, Венгерове, Калучине, Целехове и Пулавах расположены польские полки уланские и гусарские, но многого числа войск нет; а по слухам находятся оные при Висле»¹¹. Таким образом, первоначальные сведения оказались не совсем достоверными.

Казачьи полки 2-й Западной армии, расположенные по кордонам от Влодавы до Тернополя, также получали сведения о приближении войск противника к границе. Так, 12 мая войсковой старшина Ясногородский обнаружил, что напротив дистанции его сотни прибыл к границе уланский графа Потоцкого полк из состава войск Княжества Варшавского. Он расположился на квартирах против Влодавы в селении Кривая Верба, на расстоянии в трех милях от границы. Вероятно, полк предназначался для пограничной службы, поскольку от него по границе производились разъезды малыми партиями. Для прибывающих войск квартиры также были назначены в местечке Холм. В связи с этим генерал-майор Н.В. Иловайский 5-й (квартира в г. Владимир-Волынский) поручил О.В. Иловайскому 10-му (квартира в с. Грбовиц) стараться и далее «дознать о сближении к границам нашим войск Варшавского княжества и чрез верных людей открывать самое намерение оных и обо всем рапортовать...»¹².

Спустя пять дней, 17 мая, сотник Урюпинский, несший службу на Почакаевском (Почечанском) кордоне, которому было поручено «делать замечание заграницею и разведывать особо», сообщил о появлении значительных сил противника. В частности, он «известился чрез жидов и мещан заграничного местечка Крылов, но более от офицера там квартирующего, с коим как и с первыми говорил сошедшись на самой границе, что сак-

сонских войск 2 000 человек пребудет в Крылов на сих днях, и не позднее 18-го или 19-го чисел, а к 1-му числу июня проследуют к границам нашим и еще войска Княжества Варшавского более»¹³. 19 мая Урюпинский пояснил, что его сведения получены «средством приятных от пограничных чиновников и одного доктора». Они заверили сотника, что все данные почерпнуты «от изречений живущего в Крылове капитана Сироновского». Однако данные о передислокации польских частей подлежали перепроверке. По приказу П.И. Багратиона Н.В. Иловайский 5-й поручил подполковнику Ф.А. Барабаншикову 2-му усилить пост «в предосторожность, не подавая к сему нарочитых причин» и продолжить разведку¹⁴.

В деле информирования казаков о положении дел в Княжестве Варшавском особая роль принадлежала подпрефекту польского пограничного городка Тикочина А. Беллефруа. О приближающейся войне свидетельствовали многие данные; например, что с 13 мая подпрефект А. Беллефруа стал получать повеления уже не от правительства Княжества Варшавского, а непосредственно от «командующего всеми корпусами большой армии маршала Даву»¹⁵. А 16 мая из окружения А. Беллефруа стало известно, что маршал Л.Н. Даву приказал подпрефекту прекратить «всю коммуникацию» города с русскими, а поэтому «рогатка со стороны их замкнута», а ключ хранится у полковника Домбровского из уланского полка¹⁶. Подобное приказание привело к тому, что жители Тикочина, ранее снабжавшиеся продуктами из Белостокской области, начали испытывать недостаток во всем необходимом.

К 9 июня М.И. Платову поступили сведения, что войска противника большими частями подтягиваются через Пруссию к Тильзиту, а командующий польским корпусом князь Ю. Понятовский еще 6 июня прибыл к Остроленке. Около Брест-Литовска расположился вестфальский король Жером Бонапарт. И хотя М.И. Платов называл эти сведения «слухами» (перепроверить их уже не было возможности, так как граница была полностью закрыта в конце мая 1812 г.), они явно указывали на скорое начало военных действий¹⁷.

Несение пограничной службы. На протяжении мая – июня 1812 г. общая обстановка на границе оставалась довольно спокойной. Рапорты М.И. Платова военному министру изо дня в день содержали одну и ту же фразу: «На всех постах корпуса от Гродно до м. Цехановец, ничего нового „по над границу“ не замечено и состоит благополучно»¹⁸.

Хотя с каждым днем то на одном, то на другом участках границы появлялись польские уланы. Так, 8 мая пограничный надзиратель Немировской дистанции Белостокской области Кельчевский во время дежурства

несколько раз замечал «частые подъезды к границе польских уланов, партиями из 4, 6 и 10 человек». Причем подъезды совершались чаще всего по вечерам и утрам, чтобы выяснить, не сделали ли русские новых распоряжений по кордону¹⁹.

Правда, иногда случались и некоторые инциденты. Так, 12 мая 1812 г. два пьяных польских солдата собрали несколько крестьян и с их помощью разрубили шлагбаум и мост напротив российской рогатки. Затем они намеревались то же сделать с российскими рогаткой и мостом. Как только об этом узнал тикочинский подпрефект А. Беллефруа, он немедленно сообщил начальству в Варшаве. Из столицы княжества приказали немедленно и строжайшим образом наказать солдат и заново построить мост и рогатку²⁰. И, как доносил 13 мая военному министру правитель Белостокской области С.С. Щербинин, поляки восстанавливают мост на р. Лизе против Суража, который ранее разломали²¹.

А 20 мая 1812 г. произошел еще один курьез: «состоящий на Зайковском кордоне объездчик Шаркевич, ехавший по реке Нареву лодкою для сенокосения», был схвачен солдатами Княжества Варшавского и увезен за границу²².

Впрочем, спокойствие сохранялось и в самой Белостокской области. Как неоднократно рапортовал правитель области С.С. Щербинин главнокомандующему 1-й Западной армией, в области «все было очень тихо и спокойно, и никаких ложных слухов во вред правительства распространяемо не было»²³.

Накануне войны атаман М.И. Платов неоднократно лично проверял надежность охраны границы. Так, в период с 23 по 25 мая он совершил инспекторскую поездку по кордонам. Свой объезд он начал 23 мая с Цехановецкой заставы направо вверх по р. Нурец, где подробно осматривал «кордоны до сухой границы селения Мины». Во время поездки войск противника за границей не было видно. Однако в своих рапортах М.И. Платов отмечал, что авангардные гусарские и уланские полки, вероятно, стоят по квартирам в 2–3 милях от российской границы. 24 мая атаман продолжил осмотр по маршруту: Прощанно – Марково – Лиза – Пятков Двор – Сураж – Рустаны²⁴. 25 мая из Суража М.И. Платов отправился «по над границею для обозрения постов и кордонов до кордона Татар, что против местечка Тикочина». Исполнив объезд, он прибыл в Белосток. Во время поездки ничего нового не было замечено, и все обстояло благополучно²⁵.

Однако уже через несколько дней польские уланы стали почти ежедневно появляться возле границы. Так, 28 мая в селении Ласях, против

кордона Зайкова, казаки рассмотрели разезд, состоявший из 10 польских всадников²⁶.

5 июня с пограничных постов были получены сведения, что в Тикочине и других местах «направо за Добровольщицны и налево несколько» были замечены передовые части «в разных мундирах», которые «стараятся везде скрывать от видимых мест». В донесениях даже указывалось, что казаки видели «черных», которых приняли за «африканцев» (атаман считал, что это «цыгане»). Поэтому М.И. Платов решил усилить присмотр за границей.

6 июня атаман отдал приказ «всем пограничным кордонам иметь самое бдительное смотрение за всеми и малейшими движениями или приближениями тамошних войск к границам и осторожность, а мост чрез реку Нарев в местечко Тикочин, со стороны нашей лежащей в ту же ночь испортить». Кроме того, «для осмотра пограничных кордонов в дистанции расположения корпуса» в Белостокской области и дальше к Брест-Литовскому, а также кордонов до полков 2-й Западной армии М.И. Платов направил генерал-майора И.К. Краснова. Ему поручалось усилить (пополнить) пограничные посты из казачьих полков, где это будет необходимо, а также разведать «о происшествиях за границую в рассуждение движения тамошних войск». На случай военных действий, И.К. Краснову поручалось подтвердить казачьим полкам, состоявшим во 2-й Западной армии, что они должны выполнять приказы главнокомандующего генерала П.И. Багратиона; а до того момента – доносить обо всем и князю, и М.И. Платову²⁷.

Задачи корпуса в военное время. С началом военных действий все казачьи полки Западных армий должны были объединиться под командованием атамана М.И. Платова в его «летучий корпус». Впоследствии казачий корпус должен содействовать операциям 1-й и 2-й Западных армий по охвату противника. Военный министр М.Б. Барклай де Толли сформулировал его задачу следующим образом: в случае вторжения неприятеля в пределы России, корпус М.И. Платова должен стараться «взять в левый фланг его, а в то же время и князь Багратион своими иррегулярными войсками стараться будет взять в правый фланг неприятельский». «Сим неожиданным на фланги нападением, – резюмировал генерал, – вы можете его расстроить и принудить к отступлению»²⁸.

6 июня М.Б. Барклай де Толли приказал полкам корпуса М.И. Платова расположиться возле Гродно. При этом казачьи полки 2-й Западной армии, находящиеся в общем подчинении атамана, оставались в оперативном распоряжении П.И. Багратиона. Поэтому 8 июня князь предпи-

сал генерал-майору Иловайскому 5-му, командовавшему иррегулярными полками его армии, продолжать кордонную службу и еще более внимательно следить за передвижениями войск на сопредельной территории²⁹.

Для «подкрепления» части корпуса М.И. Платова, которая должна отступать на Гродно, в район этого города переводился авангард корпуса генерал-лейтенанта П.А. Шувалова (Изюмский гусарский полк, 1 казачий – для расположения вдоль дистанции по р. Лососне от Гродно до Олиты, 1-й и 18-й егерские полки с «соразмерным числом артиллерии») под командованием генерал-майора И.С. Дорохова³⁰. 8 июня он был усилен двумя егерскими полками и артиллерией из состава 6-го корпуса генерала Д.С. Дохтурова³¹.

9 июня 1812 г., выполняя приказ военного министра, М.И. Платов начал постепенный отвод казачьих полков из Белостокской области к Гродно. Первыми были отправлены Симферопольский и Пермский конно-татарские и 1-й Башкирский полки, расположенные от Белостока в сторону р. Нарева. 10 мая выступили три донских полка: А.К. Денисова 6-го, С.Д. Иловайского 8-го и К.И. Харитонов 7-го. Сам М.И. Платов собирался 11 июня с Атаманским полком и 2-й ротой Донской конной артиллерии также выступить из Белостока «к назначенному пункту»³².

В Белостоке, на время, атаман оставил генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го с полком. И, как писал М.И. Платов П.И. Багратиону, это сделано для того, чтобы «не подать жителям оного и окружающих мест сомнительного влияния, могущего родиться в них от теперешнего отступления моего, и для успокоения здешнего правления вообще и особенно должностных людей, хотя и не имею я достаточного числа войск»³³. В подчинение И.Д. Иловайского 4-го переходили и «все пограничные посты прежде от корпуса... занимаемые».

13 июня 1812 г. М.И. Платов прибыл с полками корпуса в Гродно, где получил от М.Б. Барклая де Толли секретные указания от 12 июня: ему поручалось действовать на правый фланг и тыл противника, сосредоточенного между Меречем и Ковно. При этом 2-я Западная армия должна прикрывать «диверсию» М.И. Платова. «Неприятель сегодня переправился близ Ковны, армия 1-я Западная сосредотачивается за Вильною и даст, может быть, сражение, – писал военный министр, – почему Его Императорское Величество повелеть соизволил, дабы Ваше высокопревосходительство, собрав с получения сего все ваши силы, пошли неприятелю решительно во фланг и тыл; князь Багратион должен вас подкреплять»³⁴.

Однако М.И. Платов считал, что эта задача трудновыполнима, поскольку ему придется действовать в ослабленном составе, поскольку

в Белостоке оставлен полк И.Д. Иловайского 4-го, а по кордонам в Белостокской области (от Гродно влево через Добровольщизну и Тикочин до Суража) разбросан отряд казаков до 500 человек. При этом расстояние от Гродно (не говоря от Белостока) до Мереча большое, и поэтому «в случае переправы чрез реку Неман неприятеля и действия моего ему во фланг», эти части едва ли успеют присоединиться к корпусу. Объединение всех сил М.И. Платов считал необходимым, так как войска противника приближались к российской границе: от Августова они передвинулись к местечкам Сапоцкино, Сейны и Липск³⁵.

Поэтому М.И. Платов просил передать Белосток и дистанцию по границе, хотя бы от Суража, войскам 2-й Западной армии (расположилась в Белостокской области в тылу этих кордонов), а от Добровольщизны, по р. Лососне до Мереча, пограничные кордоны займут полки его корпуса. О том же он писал П.И. Багратиону: за приказом идти к Гродно «нахожу, что состояние пограничных кордонов под ведением моим уже неудобно»³⁶.

П.И. Багратион отреагировал на просьбу М.И. Платова 9 июня. Он приказал полку В.А. Сысоева 3-го перейти из Брянска в Бельск на место Ахтырского гусарского полка, переведенного в Заблудов, и вступить в связь с И.Д. Иловайским 4-м. При этом П.И. Багратион, ссылаясь на военного министра, указывал, что «состояние кордонов не только не изъеется по сухопутной границе из ведомства вашего, но даже непосредственно содержимо быть должно частью войск, вами предводительствуемых»³⁷.

Когда стало известно об огромном количестве войск Великой армии, переправившихся через Неман, военный министр отказался от идеи «диверсии» и приказал М.И. Платову немедленно отступить. Однако атаман мешкал, поскольку князь П.И. Багратион планировал использовать казаков для наступления в тыл противника. В своих письмах к М.И. Платову П.И. Багратион убеждал его в возможности и успешности подобной операции, и атаман, будучи младше в чине, вынужден был оставаться на месте. Сам М.И. Платов по этому поводу писал: «Предписанное мне отступление от Гродно для действия на помянутый фланг неприятеля я в течение двух минувших дней не решился делать потому, что по разведыванию моему до местечка Мереча вниз по Неману нигде не примечено, чтобы неприятель, переправляясь через сию реку, тянулся внутрь границ наших, а только один и тот же слух, что он переправился у Ковно; но следует ли к Вильно, достоверного известия нет; и как от генерал-лейтенанта графа Шувалова, так и от авангардного его генерал-майора Дорохова, которого посты смыкаются с моими, я такового не имею...»³⁸

Тем временем не двигался с места и сам П.И. Багратион, несмотря на неоднократные приказы отступить. И М.И. Платов, и П.И. Багратион начали отвод своих войск с опозданием. 17 июня атаман двинулся к Щучину и Лиде, а князь – 18 июня – на Слоним. При этом казачьи полки, несшие кордонную службу, также получили приказ отходить. В частности, П.И. Багратион приказал генералу Н.В. Иловайскому 5-му снять кордоны на границе, отступить через Пружаны и Слоним и в четыре перехода соединиться с армией. После этого главнокомандующий планировал все казачьи полки 2-й Западной армии переправить на свой левый фланг в подкрепление корпуса М.И. Платова. В свою очередь атаман приказал полкам на кордоне от Гродно до Мереча отходить к Лиде, а полкам И.Д. Иловайского 4-го – на Малую Берестовицу и Белицу. Однако отход атаман разрешал только в случае снятия кордонов полком В.А. Сысоева 3-го и отступлением из Заблудова отряда генерал-адъютанта И.В. Васильчикова из состава 2-й Западной армии³⁹.

Запаздывание отступления корпуса М.И. Платова и 2-й Западной армии срывало стратегические планы российского командования. Неудивительно, что военный министр всю ответственность за вероятный провал операции по объединению армий возлагал на этих генералов. 17 июня в письме императору Александру I он писал: «...крайне неприятно видеть, что князь Багратион, вместо немедленного исполнения приказаний Вашего Императорского Величества, теряет время на излишние рассуждения, и сообщая еще их генералу Платову, сбивает с толку этого генерала, который и без того так мало знающ и совершенно не развитой»⁴⁰. И хотя военный министр высказывал надежду, что генералы быстрыми переходами наверстают упущенное время, это им не удалось сделать. Группа войск во главе с вице-королем Италии Э. Богарне, вступившая в пределы России через Прены, отрезала М.И. Платова от 1-й Западной армии, и он был вынужден отступить вместе с армией П.И. Багратиона.

Эвакуация. В пределы Белостокской области противник вступил 15 июня. Оставаясь до 17 июня в Гродно, М.И. Платов занимался вопросом эвакуации города. Вообще, программа эвакуации не была продумана.

Поскольку вывезти с территории Беларуси все ценности не было возможности, в первую очередь спасали денежные средства и архивы. Местным властям было приказано вывезти «все секретные переписки, все казенные деньги и другие вещи, казне принадлежащие, а равно и часть архива из правительственных присутственных мест, кои хотя малое могут дать понятие о земле: разного рода планы и географические карты, люстрации о числе домов и ревизские сказки... инвентари казенных и

поиезуитских имений и другие подобные бумаги. Прочие дела иметь под рукою в такой готовности, чтобы они могли быть взяты с собою при отступлении последних войск, с коими сами чиновники следовать будут»⁴¹.

Еще накануне своего отъезда из Белостока М.И. Платов приказал действительному статскому советнику С.С. Щербинину вывезти из области все запасы продовольствия, собранные по реквизициям⁴², а также собрать сведения «обо всех земских чиновниках, кои имеют понятие о земле нашей». Их предполагалось отправить в Вильно. С.С. Щербинин составил список, в котором оказалось более 330 человек (23 шляхтича, 187 казенных крестьян, служивших лесниками, 50 семейств «осочников»⁴³ и до 80 лесников, состоявших ранее при конфискованных лесах князя Д. Радзивилла)⁴⁴.

2 июня из Белостока была вывезена в Вильно казна – 20 тыс. руб. серебром, 30 тыс. руб. прусской разменной монетой и 100 тыс. руб. ассигнациями. Для эскортирования казны М.И. Платов выделил из Атаманского полка по два «надежных» казака при «исправных урядниках». Генерал также отдал распоряжение о тайной подготовке к эвакуации архива области, который предполагалось увезти при отходе казачьих частей⁴⁵.

14 июня М.И. Платов сообщил С.С. Щербинину о начале военных действий и приказал И.Д. Иловайскому 4-му вывезти из Белостокского и Сокольского поветов всех земских чиновников, имеющих знания о ресурсах области, чтобы «неприятель нигде не мог найти таких людей, чрез коих мог бы делать распоряжения свои, взять с земли реквизицию». Итак, И.Д. Иловайский 4-й должен был эвакуировать чиновников и помещиков из Белостокского и Сокольского поветов, а войска, подчиненные П.И. Багратиону, – из Бельского и Дрогичинского. При этом эвакуации только из Белостокского и Сокольского поветов подлежало 46 человек, начиная от областного и поветовых маршалов и заканчивая казначеями, городскими судьями, бургомистрами и просто крупными помещиками⁴⁶. Безусловно, каждый из них ехал не налегке. Поэтому можно себе представить, какие вереницы телег потянулись в первые дни войны на восток.

При отступлении М.И. Платов также поручил забрать с собою из архивов все списки, инвентари и сведения, «кои неприятелю могут служить к соображению нужных реквизиций и налогов»⁴⁷. Для эвакуации архива требовалось 200 повозок. Однако правитель области не смог обеспечить необходимый транспорт, и впоследствии архив был предан огню.

Подобную нерасторопность С.С. Щербинина предвидел М.И. Платов. В письме к П.И. Багратиону от 15 июня он писал: «Белостокскому прави-

телю области о вывозе оттоль всего с земли собранного я неоднократно подтверждал, как в бытность мою еще в Белостоке, так и по выезде оттоль и, наконец, понуждал его к тому чрез летучую почту вчера и последний раз сегодня; который меня при отбытии моем оттоль уверял, что все то исполнено будет»⁴⁸.

Не лучше с подготовкой эвакуации было и в Гродно. Дело в том, что гродненский гражданский губернатор тайный советник В.С. Ланской в преддверии и в первые дни войны вел себя крайне растерянно и не мог организовать надлежащей подготовки к эвакуации. Губернатора больше волновала собственная судьба, чем дела губернии.

Когда 13 июня 1812 г. в Гродно прибыл М.И. Платов, В.С. Ланской сообщил ему, что все «казенные суммы и прочее» из губернии вывезены в предписанные места; а в настоящее время он принимает меры «к вывозу же отсель хлеба». Однако М.И. Платов был недоволен ходом эвакуации. 15 июня он писал П.И. Багратиону: «... между тем заботился и заботюсь о вывозе всего того из Гродно, что здесь собрано было с земли для продовольствия войск, и особенных вещей, казне принадлежащих, дабы не оставить воспользоваться ими неприятелю, так как до прибытия моего никакого предприятия к тому не было, что и заняло меня до сего времени...»⁴⁹

16 июня администрация Гродненской губернии эвакуировалась. В.С. Ланской вместе с полицейскими и губернскими чиновниками выехал в Новогрудок. Перед своим отъездом губернатор отдал распоряжения земским исправникам на случай появления противника: «Ежели к подведомственному Вам уезду сближаться неприятельские силы, – писал губернатор, – тотчас, не теряя времени, со всеми чиновниками удалиться в Новогрудок, или смотря по тогдашним обстоятельствам и далее к Минску, забрав с собою известные Вам дела, казначая с наличною денежною суммою, приходными и расходными книгами, гербовою всех родов бумагою, счётчиками и канцелярскими служителями»⁵⁰.

Однако, забываясь о казне и гербовой бумаге, В.С. Ланской мало думал про другое имущество. В результате эвакуацию Гродно пришлось производить под ружейными выстрелами приближающегося противника. И если бы не М.И. Платов, применивший власть в деле сбора подвод, многое из вывезенного имущества досталось бы неприятелю.

О том, как действительно происходила эвакуация, М.И. Платов сообщил Багратиону 16 июня: «Отправив из Гродно гарнизонный батальон здешний и всех земских чиновников, равно и казенное имущество с великим затруднением потому, что ничего не было здесь приготовлено, а

некоторые даже и повелений об отправлении отсель не имели, кроме что о приготовлении к тому, но и сего не исполнили, я приказал им следовать на Щучин, Белицу, Новогрудок и далее к Минску. А сам, испортивши мост, лежащий из Гродно через Неман, последовал сей час с полками корпуса, мне вверенного, вверх по течению реки Немана по правой стороне оной чрез Щучин к стороне Лиды»⁵¹.

Еще более ярко о характере тех событий свидетельствуют строки письма М.И. Платова к лейб-медику баронету Я.В. Виллие от 18 июня 1812 г. В нем атаман, извиняясь за долгое молчание, сообщал об условиях своего отступления. «Из Белостока чрез Гродно по сей день на лошади и перо в руки не принимал, – писал генерал. – Дивизионному лекарю Нестерову я голову мыл; наделал мне гродненский лазарет Коптена хлопот: во множестве разных материалов и большой суммы стоящий, так что на четырех сот подвод, чрез великую мочь едва мог отправить, ибо прежде ни одного не было приготовленных подвод. Последний транспорт и с перестрелкою мною с неприятелем увезен, – что называется, из рук неприятельских утащен»⁵².

При отступлении М.И. Платов имел приказ уничтожить все имущество и продовольствие, которое он не мог увести с собой. «Я не считаю нужным извиняться с вами нащот истребления запасов продовольствия, – писал П.И. Багратион М.И. Платову, – ибо Ваше высокопревосходительство, как о сем, так и о уничтожении способов к транспортированию запасов, имеете, конечно повеление, и без сумнения, по тракту отступления вашего и вправо и влево, по возможности, воспользуетесь угнать и увезти с собою, а другое истребить»⁵³. Так М.И. Платов и поступал. Например, в селении Червлёном (Червлионом) были остановлены барки с казенным продовольствием. Атаман приказал их частично разгрузить: речные суда он отправил назад к Белице, а выгруженное на берег предал огню⁵⁴.

Таким образом, накануне войны 1812 г. казачьи полки по-прежнему несли пограничную службу: охраняли границы, вели разведку, задерживали контрабанду. Однако в условиях предстоящей войны использование иррегулярных войск не по назначению было небезопасным. Реальность показала, что привязка к границе, невозможность покинуть кордоны, сорвали планы сосредоточения казачьего корпуса М.И. Платова в одном месте для дальнейшего использования его как мощной военной единицы. В то же время благодаря казакам российским властям удалось эвакуировать из приграничных районов материальные ценности, часть запасов провианта и архивов, земских чиновников. Однако выполнение казаками

в военное время несвойственных им функций, а также игнорирование П.И. Багратионом и М.И. Платовым приказов военного министра в первые дни войны сорвали первоначальный план отступления российских армий, и они смогли соединиться только у Смоленска.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24480. С. 508–511. (Далее – ПСЗРИ–I).

² ПСЗРИ–I. Т. XXXII. № 25146. С. 357–362.

³ Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива Главного штаба (ВУА). Отд. I: Переписка рус. правительственных лиц и учреждений. Т. XII: Подготовка к войне в 1812 г. (Май месяц). СПб., 1909. С. 124–126.

⁴ Там же. Отд. I. Т. VII: Подготовка к войне в 1811 г. (Декабрь месяц; документы без дат). СПб., 1907. С. 303.

⁵ Там же. Т. XII. С. 223.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 109, 144.

¹¹ Там же. С. 248.

¹² Там же. С. 73–74.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Там же. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собр. Гос. Ист. музея / Сост.: Ф.А. Петров и др. М.: Терра, 1992. С. 21–22.

¹⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. XII. С. 109, 142, 248; Там же. Т. XIII: Боевые действия в 1812 г. (Июнь месяц). СПб., 1910. С. 19–20, 61–62, 98; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Д. 3506. (Ч. 3). Л. 72, 114, 169.

¹⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. XII. С. 145.

²⁰ Там же. Т. XII. С. 146.

²¹ Там же. С. 80.

- ²² Там же. С. 142–143.
- ²³ Там же. С. 80.
- ²⁴ Там же. С. 196.
- ²⁵ Там же. С. 207–208.
- ²⁶ Там же. С. 248.
- ²⁷ Там же. Т. XIII. С. 51; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 153–154; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 20, 21.
- ²⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XII. С. 156; Там же. Т. XIII. С. 5–6; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 25–26.
- ²⁹ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 21.
- ³⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XII. С. 156.
- ³¹ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 21.
- ³² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 89; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 167–168.
- ³³ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 22.
- ³⁴ Там же. С. 28.
- ³⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 125–126; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 314.
- ³⁶ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 23.
- ³⁷ Там же. С. 23.
- ³⁸ Там же. С. 32.
- ³⁹ Там же. С. 32–33.
- ⁴⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 174–175; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3504. (Ч. 1). Л. 79.
- ⁴¹ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов: В 39 т. Т. XXXVII: Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 года / Сост. А. Вруцевич и др. Вильна, 1912. С. XII.
- ⁴² 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. С. 22.
- ⁴³ Во времена Речи Посполитой и при пруссаках, «осочники» использовались в качестве помощников местных служителей в присмотре за лесами. При этом часть из них не несла никаких повинностей, а другие при пруссаках отбывали «самую малую барщину». После присоединения Белостокской области к Российской империи, их сочли «ненужными к употреблению по местной службе по неудобности в рассуждении жительства их при одном только почти Амте». Поэтому областное правление предположило с 1812 г. обложить их оброком, или чиншем. См.: Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 201; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 452.
- ⁴⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 201; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3506. (Ч. 3). Л. 452.

⁴⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Отд. I. Т. XIII. С. 5–6.

⁴⁶ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 30–31.

⁴⁷ Там же. С. 29.

⁴⁸ Там же. С. 32.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Акты, издаваемые Виленской комиссией. Т. XXXVII. С. XII.

⁵¹ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 35.

⁵² *Иванькович Ф.А., Шабунин А.В.* Малоизвестные письма графа М.И. Платова к лейб-хирургу баронету Я.В. Виллие // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VI Всерос. междунар. науч. конф. (Бородино, 1997 г.). Бородино, 1998. С. 90.

⁵³ 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. С. 33.

⁵⁴ Там же. С. 34.